

Е.В. Соколова

**«В НАЧАЛЕ Я БЫЛ ДРУГИМ»¹: О НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТАХ «ЯЗЫКОВОГО ОТЧАЯНИЯ»
У ФРАНЦА КАФКИ**

Аннотация. В статье изучается природа «языкового отчаяния» как оно проявляется в некоторых художественных текстах Франца Кафки и его переписке с Фелицией Бауэр. Исследователи нередко видят в центре творчества Кафки искаженную, прерванную коммуникацию между индивидуумом и надличностными силами, за которой стоит «смерть Бога». На фоне постоянного стремления писателя докричаться до «верхнего» мира (олицетворяемого, в частности, фигурой отца) и остро переживаемых им коммуникативных провалов (рассказ «Приговор», «Письмо отцу») показана символическая связь фигуры Фелиции с земным, «нижним» миром и его неотъемлемыми составляющими – «земным счастьем» и смертью. Продолжавшаяся пять лет переписка с Фелицией представлена в статье как развернутый во времени процесс не осознаваемого до конца внутреннего выбора между «жизнью» и «смертью», который завершается в пользу последней (синхронно с постановкой Кафке диагноза туберкулез). Тезисы иллюстрируются цитатами из «Писем к Фелиции» и «Дневников» (1912–1917).

Ключевые слова: австрийская литература XX в.; «языковое отчаяние»; коммуникативные искажения; Франц Кафка; «Письма к Фелиции»; «Приговор».

Получено: 15.02.2024

Принято к печати: 10.03.2024

Информация об авторе: Соколова Елизавета Всеволодовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая

¹ См.: [Кафка, 2004, с. 273].

отделом литературоведения ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7098-3589>

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

Для цитирования: Соколова Е.В. «В начале я был другим»: о некоторых аспектах «языкового отчаяния» у Франца Кафки // Литературоведческий журнал. 2024. № 2(64). С. 29–42.

DOI: 10.31249/litzhur/2024.64.02

Elizaveta V. Sokolova

“IN THE BEGINNING I WAS DIFFERENT”: ON SOME ASPECTS OF KAFKA’S “RHETORICAL DESPAIR”

Abstract. The article examines the nature of “rhetorical despair” in some literary texts of Franz Kafka and his letters to Felice Bauer. Distorted communication between the individuum and transpersonal forces, that ultimately hides the “death of God”, seems to center the entire corpus of Kafka’s texts. Against the background of his constant desire to communicate to the “upper” world (personified, in particular, by the figure of the father) and acutely experienced communication failures (“The Judgement”, “Letter to His Father”), a symbolic connection of the figure of Felice Bauer with the earthly, “lower” world is shown (where the “earthly happiness” and death appear to be integral components of the latter). Correspondence with Felice Bauer is presented as a process (unfolded over five years) of internal choice between “life” and “death” (not fully realized by the writer himself), which ends in favor of the latter, synchronously with the diagnosis of tuberculosis. The theses are illustrated with quotations from “Letters to Felice” and “The Diaries” of 1912–1917.

Keywords: Austrian literature of the twentieth century; “rhetorical despair”; communicative distortions; Franz Kafka; “Letters to Felice”; “The Judgement”.

Received: 15.02.2024

Accepted: 10.03.2024

Information about the author: *Elizaveta V. Sokolova*, PhD in Philology, Leading Researcher, the Head of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue, 51/21, 117418, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7098-3589>

E-mail: e.v.sokolova@inion.ru

For citation: Sokolova, E.V. “‘In the beginning I was different’: On Some Aspects of Kafka’s ‘Rhetorical Despair’”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(64), 2024, pp. 29–42. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2024.64.02

«Вы же не об этом спрашиваете, когда спрашиваете об этом»² [5, с. 19], – уже во втором письме к ней уверяет Франц Кафка Фелицию Бауэр³. Не странно ли со стороны человека, который обнаруживает намерение строить основательную коммуникацию, – ибо что же тогда предполагается в фундаменте переписки: недомолвки? заблуждения? ложь?

Как покажет долгая практика, – а переписка Франца с Фелицией длилась более пяти лет, с 20 сентября 2012 по 16 октября 1917 г., – то и другое, а значит, и третье⁴. Притом что в намерения корреспондента (как минимум того единственного, чьи письма сохранились) входило прийти «к полному взаимному согласию» [5, с. 17] хотя бы по некоторым вопросам при общем стремлении избегать лжи⁵ и по возможности точно выражать нюансы своего восприятия средствами языка... Но создавалось и ширилось вокруг них почему-то пространство недоразумений, неясностей, тотальной неустойчивости, в котором обоим было не на что опереться и из которого оставалось только спастись бегством, уничтожая следы⁶. Почему?

С этой странностью хорошо согласуется «ключ», подобранный к *casus Kafka* французским писателем и мыслителем Морисом Бланшо (1907–2003), внимательнейшим читателем Кафки, предположившим, что тот, вероятно, «хотел уничтожить все написанное им потому, что оно казалось ему обреченным приумножать все-

² «Danach fragen Sie ja nicht, wenn Sie danach fragen» [10, S. 8].

³ Девушка, встреченная Кафкой в августе 1912 г. в доме отца Макса Брода и превратившаяся в процессе последовавшей переписки в невесту, с которой были пережиты две помолвки и два разрыва (второй окончательный).

⁴ «Если ты спросишь, <...> я смогу лишь сказать, что ни перед одним человеком на свете не сдерживал ложь столь же истово, или, чтобы быть еще точнее, не сдерживал ложь истовей, чем перед Тобой» [5, с. 658].

⁵ По оценке самого Кафки, в их переписке «туманные околичности были, но лжи – очень мало, если, конечно, допустить, что вообще бывает “очень мало лжи”» [5, с. 658].

⁶ После повторного разрыва помолвки Кафка сжег все ответные письма Фелиции.

ленское непонимание» [1, с. 57] в попытке удержать одновременно «и загадку, и ее разрешение; непонимание и выражение этого непонимания, возможность чтения при невозможности интерпретации прочитанного» [1, с. 62].

Нарушенную коммуникацию видел в основании прозы Кафки и Е.М. Мелетинский. В «Поэтике мифа» на примере «Замка» он показал, что мир «высших внеличных сил, господствующих над человеком» [7, с. 346] и противопоставленный ему событийный мир отражают у Кафки антагонизм «личности и общества, индивида и метафизического целого, мира “земного” и “небесного”» [7, с. 351]. К тому же «небесный» мир, по Кафке, непознаваем, что и составляет фундамент его личной модификации «языкового отчаяния». Последнее мы понимаем как глубокое разочарование человека (писателя, персонажа) в принципиальной возможности достичь удовлетворяющего его уровня взаимопонимания с Другим средствами языка и присоединяемся к тем исследователям литературы, которые считают этот феномен характерным для подавляющего большинства крупных фигур европейской литературы XX в. (см. об этом, например: [14]).

«В кафкианской модели мира связь между обоими мирами (“земным” и “небесным” – Е. С.) почти сведена на нет “помехами” и грандиозными потерями информации» [7, с. 351]. Так, полную искажений связь в «Замке» (1922) отображает, например, телефон, функционирующий как “испорченный”, даже вовсе отсутствующий (позднее оказывается, что между гостиницей и замком вообще не проложен телефонный кабель). Письма тоже лишь умножают неуверенность и непонимание: принимая письмо от Кламма, замковый вестник Барнаба даже «не уверен, что перед ним действительно Кламм» [7, с. 351]. И не под давлением ли масштабных информационно-искажений замковые служители «слишком много спят» (как сообщает Фрида), включая того же Кламма, который за столом просто дремлет, оставаясь наглухо закрыт для какой бы то ни было коммуникации. Не удивительно, что землемер К. ощущает себя там «гостем в мире мертвых»⁷.

⁷ Как сообщает В.Г. Зебальд в эссе о структуре мотивов в «Замке» Кафки, один из заботящихся автором вариантов этой сцены начинается со слов К.: «Ich war bei den Toten zu Gast» («Я оказался в гостях у мертвецов»). См.: [13, S. 81–82].

Е.М. Мелетинский выводит всю «кафкианскую мифологию социального отчуждения» из противостояния индивидуума «надличностным силам» при убежденности в непознаваемости последних (см.: [7, с. 352]). Такое положение дел свидетельствует о разрыве коммуникации между соответствующими двумя мирами. Американка Джойс Векслер, исследовавшая природу «риторического отчаяния» европейских писателей XX в. в книге [14] (где, кстати, нет почти ни слова о Кафке), связывала этот феномен прежде всего с «отсутствием Бога». Но ведь и у Кафки в самом центре мира – «мертвый Бог»: так, по крайней мере, считает Морис Бланшо⁸, который, не говоря прямо о разочаровании писателя в способности речи служить истине, делает важное заключение о природе двойственности в его тексте (трансцендентной ее составляющей): «Двойственность негативного связана с двойственностью смерти. Бог мертв – этот факт может означать еще более суровую истину: смерть невозможна» [1, с. 64]. Проявленный же аспект двойственности – форму ее перманентного присутствия в тексте писателя на уровне языка – убедительно выявляет Н.С. Павлова, показывая на примере романа «Процесс» одновременное сосуществование в его прозе «двух разнонаправленных голосов» [8, с. 150], зовущих к жизни и к смерти.

И «процесс», и «замок» как центральные образы в одноименных произведениях Кафки (1914, 1922) символизируют такие «отношения индивида со сверхличными силами», в которых коммуникация совершенно искажена [7, с. 353]. Ощущение недостижимости взаимопонимания между индивидуальным и сверх-индивидуальным ярко фиксируют рассказ «Приговор» (1912) и новелла «Превращение» (также в основном написанная в 1912 г.) В обоих текстах гиперболизируется граница, разделяющая коммуницирующие стороны, – в первом случае она обретает характер непреодолимого межпоколенческого барьера (отец и сын) и непроницаемого занавеса между мирами (далекий полуреальный корреспондент, который, если и существует, то где-то в далекой России), во втором – барьера межвидового («нечеловек» в окружении челове-

⁸ «Умерший Бог получил в этих творениях довольно впечатляющий реванш, ибо со смертью он не лишился ни мощи, ни бесконечной власти, ни непогрешимости; мертвый он еще более ужасен, еще более неуязвим в битве, в которой уже нет надежды победить» [Бланшо, 1998, с. 64].

ской семьи). Иерархическая природа чаемого протагонистом понимания в обоих случаях подчеркивается: герой не в состоянии наладить коммуникацию с субъектами, которые в рамках той или иной иерархии стоят выше него и в определенном смысле имеют надличностную природу (относятся к «верхнему» миру).

В таком контексте само имя корреспондентки Кафки (и его дважды невесты) Фелиции Бауэр кажется символическим. Имя Фелиция (Felice) этимологически связано с итальянским словом *felicità* (счастье), а Бауэр (Bauer) по-немецки означает «крестьянин». «Крестьянское (практическое / земное) счастье...» – вот с чем, похоже, решился искать взаимопонимания Франц Кафка, но тоже не смог найти и, в конце концов, через год после окончательного расставания даже сжег ее письма (стер ее голос из своей памяти), хотя у самой Фелиции «хватило великодушия и любви не посчитать себя обиженной и сохранить эти письма до конца дней» [9, с. 14–15].

Итак, 28 сентября 1912 г. Кафка пишет Фелиции Бауэр второе письмо, в котором вербализует распределение ролей в предстоящей длительной переписке и «назначает» (делегирует?) своей корреспондентке априорную двойственность (заранее подразумевающую нечестность): «Вы же не об этом спрашиваете, когда спрашиваете об этом» [5, с. 19].

Фигура речи? Магия слова? Конечно, не без этого. Писатель Кафка исследует возможность «приворожить к себе девушку письменным словом» [9, с. 11], но еще и как будто следит за тем, чтобы в переписке не выстроилось ничего прочного, на что можно было бы опереться. Складывается впечатление, что в своем строительстве он надеется вовсе обойтись без опоры на земную реальность...

Как бы то ни было, реальность реагирует: отказывается отвечать. Во всяком случае, ответа именно на это свое письмо Кафка так и не получил (ответ Фелиции затерялся) и потом долго мучил себя сомнениями, хотя с ним вообще продолжать переписку или нет... Выйти из давящей неопределенности ему удалось лишь при посредничестве третьего лица – Софи Фридман, сестры писателя Макса Брода и супруги двоюродного брата Фелиции. Но разве снял бы даже самый оперативный ее ответ все недоразумения в глазах Кафки, не будь на то «одобрения» реальности?

Видимо, нет. Во всяком случае, позднее, 3 ноября 1912 г., Кафка сообщит Фелиции следующую историю: «некто Ицхак Лёви⁹ <...> послал мне от Вас весточку в пору долгого ожидания между первым и вторым письмом», «хотя и невольно, что нисколько не уменьшило мою ему благодарность» [5, с. 43]. Что же это была за «весточка»? Оказывается, Лёви прислал афишу с гастролей их труппы в Лейпциге, которую Кафка поначалу не глядя оставил у себя на столе. А затем, в один из дней томительного ожидания ответа, решил «изучить досконально» и «внизу, в самом уголке» мелким шрифтом обнаружил название улицы, на которой в Берлине жила Фелиция: Иммануилкирхштрассе, Берлин-Норд [5, с. 43].

Тут стоит вернуться немного назад, к первому адресованному Фелиции его письму, написанному 20 сентября 1912 г., где Кафка, едва представившись, счел нужным предупредить: «...я очень неаккуратен в переписке», но «...я никогда не жду и ответной пунктуальности от адресата; даже ожидая ответного письма изо дня в день с возрастающим нетерпением, я совсем не огорчаюсь, когда письма нет, когда же оно наконец приходит, я, бывает, даже пугаюсь» [5, с. 17]. Правда, уже в следующем письме прояснилось, что собственное письмо обретает для него значимость лишь через ответ адресата: «Оно обрело важность, потому что Вы мне на него ответили» [5, с. 20].

«Наверное, даже хорошо, – напишет Кафка Фелиции позднее, после того как недоразумение останется в прошлом, – что в переписке нашей с самого начала вышла такая заминка, я теперь знаю, что смогу писать Вам, даже когда ответы Ваши не доходят» [5, с. 25]. Впрочем, по поводу самой утраты того письма он «все никак не успокоится» и «готов весь мир засыпать жалобами» [5, с. 24], но ведь «Кафка едва ли станет нам понятнее, если каждому утверждению мы противопоставим другое, враждебное утверждение, или станем уточнять до бесконечности...», как справедливо предостерегает Морис Бланшо [1, с. 62].

Интереснее другое: исследуя Кафку, многие замечали, что реальность жизни часто будто бы отвечала на написанное им:

⁹ Актер еврейской театральной труппы, ездившей с гастрольями по Германии, с которым подружился увлекшийся в 1911 г. еврейским театром Франц Кафка.

«...мало у кого из писателей жизнь <...> так тесно сливается с его творениями» [6, с. 5], так что Бланшо даже констатировал в его случае «факт того, что произведение на тему, рассказывающую о неудаче, отвечает зачастую своей собственной неудачей» [1, с. 81]. Е.М. Мелетинский также подчеркивал особую, «специфичную» корреляцию «между пробуждением глубинного сознания героя и преображением окружающего мира» у Кафки, «в произведениях которого происходит непрерывное взаимодействие состояния сознания и состояния мира» [7, с. 349]. Многочисленные тому примеры можно найти и в «Процессе», и в «Замке».

Первые письма Кафки к Фелиции и вправду находятся в особых отношениях с действительностью. С них начинается не только драматическая история долгих и путаных объяснений с «земным счастьем», но и совершенно новый этап в литературном творчестве писателя – без малого через 48 часов после завершения первого письма «одним духом в ночь с 22 на 23, с десяти часов вечера до шести часов утра» [3, с. 166] он написал рассказ «Приговор» и тем самым впервые в жизни получил подтверждение собственной способности создать текст, соответствующий его потребности в самовыражении: «Страшное напряжение и радость от того, как разворачивался передо мной рассказ, как меня, словно водным потоком, несло вперед. <...> Все можно сказать, для всех, для самых странных фантазий существует великий огонь, в котором они сгорают и воскресают» [3, с. 166].

Иными словами, проявив решимость искать взаимопонимания с «земным счастьем», 20 сентября он пишет Фелиции, а меньше чем через двое суток откуда-то из глубин его души неудержимым «водным потоком» изливается «Приговор», герой которого внезапно обнаружил себя в ситуации полной невозможности коммуникации с «высшим» миром, символически олицетворяемым отцом (вспомним тут Фрейда, которого, к тому же в связи с этим текстом, упоминает и сам Кафка [3, с. 167]).

Рассказ (не раз, кстати, впоследствии обсуждавшийся в переписке с Фелицией¹⁰ и ей посвященный) констатирует полный

¹⁰ См., напр., письма от 2 июня 1913 г., в котором Кафка высказывает наблюдения об именах героев и связи их с его собственным именем и именем Фелиции [5, с. 330] и 10 июня 1913 г., где он предлагает свою интерпретацию этой истории [5, с. 332–333].

провал протагониста в его стремлении быть понятым отцом (планируемая женитьба и разные способы ее интерпретации кажутся только поводом). А за провалом следует добровольное низвержение его в водный поток реки, уклониться от которого он по каким-то причинам не в состоянии. «Отец выносит сыну приговор, и сын, не медля, не подвергая приговор сомнению, бросается к реке, чтобы его исполнить» [2, с. 317], – резюмирует А.И. Жеребин и приводит в качестве иллюстрации заключительный пассаж рассказа: «Держась слабеющими руками за перила моста, он выждал, когда появится автобус, который заглушит звук его падения, прошептал: “Милые родители, и все-таки я любил вас”, – и пал вниз»¹¹ (цит. по: [2, с. 317]), – в основном, следуя тут переводу И. Татариновой, от которого отступает только в самом конце, выделяя в финальном падении протагониста его субъектность («и пал вниз»¹²), в то время как переводчица предпочла в этом месте подчеркнуть также присутствующую в оригинале некую «неполную добровольность», жертвенность падения – «и отпустил руки» [4, с. 292], – которое и у нее происходит не столько по воле протагониста, сколько в силу обстоятельств – слабости рук¹³.

Оба перевода по-своему верны: с одной стороны, развернутая в «Приговоре» коммуникативная неудача и вправду «развязывает руки» протагонисту, подталкивая искать понимания в мире «земном», с другой – вопреки всем его чаяниям, со стороны «верхнего» мира получен отказ, толкуемый им как окончательный: то есть протагонист внезапно повергнут в отчаяние. И, опережая рефлексию, роковое отчаяние гонит его к месту «падения» и сталкивает в «нижний» мир так быстро, что сам он успевает лишь автоматически принять позицию послушного чада (жертвенную

¹¹ «Noch hielt er sich mit schwächer werdenden Händen fest, erspähte zwischen den Geländerstangen einen Autoomnibus, der mit Leichtigkeit seinen Fall übertönen würde, rief leise: “Liebe Eltern, ich habe euch doch immer geliebt”, und ließ sich hinabfallen» [11, S. 63].

¹² «...und ließ sich hinabfallen» [Kafka, 2011, S. 63], что означает буквально что-то вроде «позволил себе пасть вниз».

¹³ В оригинальной фразе – «...und ließ sich hinabfallen» – можно уловить следы как активного действия, так и пассивного переживания: герой Кафки в финале «позволяет себе пасть вниз», если переводить буквально, то есть оказывается жертвой самого себя...

позицию), переадресуя таким образом ответственность за свое падение «наверх»...

«Человек приступает к письму, побуждаемый отчаянием» [1, с. 87], хотя отчаяние, конечно, не может ни к чему побуждать. Обращая взор к побудительным причинам творчества Кафки, Бланшо видит два состояния – «просто отчаяния» и «подлинного отчаяния», «такого, которое ни к чему не побуждает и заставляет от всего отвернуться, прежде всего – лишает пишущего пера. У двух этих состояний нет ничего общего, кроме вопросительной интонации, через которую только и можно их удержать. Никто не может сказать себе “я в отчаянии”, но лишь “ты в отчаянии?”; и никто не может утверждать “я пишу”, но лишь “ты пишешь? да? ты будешь писать?”» [1, с. 87].

Кафка и сам справедливо отслеживает у себя два состояния отчаяния, хотя склонен принимать их за одно. Вот как они видятся ему в последнем письме к Фелиции: с одной стороны, ссылаясь на оценку Макса Брода, он называет себя «счастливым в своем несчастье», с другой – не осознает еще до конца разницу между «быть счастливым в несчастье» и «быть несчастным в счастье», поскольку почти без сопротивления на протяжении сотен страниц пребывал преимущественно в последнем. И хотя Кафка чувствует, что упускает тут нечто существенное, и пытается это «нечто»¹⁴ уловить, все-таки он, похоже, не отдает себе отчета в том, что разница между этими двумя состояниями не просто велика, но фундаментальна, ибо первое постепенно подготавливает поступок, формирует прорыв и является по смыслу жизнеутверждающим, в то время как второе содержит внутренний отказ от действия, подтверждающего решение, чем создает иллюзию нескончаемой «возможности перерешить», в которой возрастает неуверенность,

¹⁴ «“Быть счастливым в несчастье”, что ведь одновременно означает и “быть несчастным в счастье” (хотя первое звучит все-таки порешительнее) – это, быть может, то самое заклятие, с которым на Каина наложили печать. Это означает сбиться с шага, пойти не в ногу со всем прочим миром, это означает, что тот, кто этой печатью отмечен, расколол мир вдребезги и, не в силах вновь вернуть его к жизни, вечно гоним среди громад его осколков. Он, конечно же, не несчастлив, ибо несчастье – это удел жизни, а ее-то он и устранил, но своим белесым, отсвечивающим вдали взглядом он прозревает вдали то, что в тех сферах означает нечто похожее на несчастье» [Кафка, 2004, с. 661].

множатся недоразумения, накапливается потенциал (само)разрушения и в конечном счете обнаруживается враждебность жизни до полной несовместимости с ней.

Так с кем же все-таки вступил в переписку Франц Кафка 20 сентября 1912 г.? С девушкой Фелицией, «похожей на служанку», у которой «костлявое пустое лицо, открыто показывающее свою пустоту», «почти сломанный нос», «светлые, жесткие, непривлекательные волосы, крепкий подбородок» (как он записал в дневнике 13 августа 1912 г.: [3, с. 162]), или с олицетворением реальности – с самой Жизнью, царящей в земном, «нижнем», мире в образе то ли «крестьянского счастья», то ли просвечивающей сквозь него «Костлявой», с которой одной только и стоит пытаться объясниться и чье одобрение – снискать...

Если второе, то ничего удивительного, что в таинственной глубине под вопросами Корреспондентки с самого начала скрываются – как иначе? – вопросы иного свойства... Ничего удивительного тогда и в том, что все выстраиваемое разваливается, что «плети», которыми они стегают друг друга, «за последние пять лет обросли добротными узлами» [3, с. 303], что по ходу переписки вопросы сами собой обращаются к нему («Ты и есть мой суд человеческий» [5, с. 659]).

Например, за три дня до предпоследнего, возвестившего разрыв, письма такого рода вопрос обращает к самому себе Кафка в дневниковой записи (25 сентября 1917 г.): «Ты разрушил все, ничем, собственно говоря, еще не овладев. Как ты собираешься теперь восстановить это? Откуда возьмет силы для этой огромной работы твой мятущийся дух?». «Несчастливый в счастье» готов как будто уступить бразды правления «Счастливому в несчастье», но, кажется, поздно: помолвка расторгнута, бунт против отца провалился. Ведь для Кафки его «...попытки жениться превратились в грандиознейшую и самую обнадеживающую попытку спастись, соответственно грандиозными были и неудачи», как напишет он через два года в «Письме отцу» [4, с. 448].

Понятно, что ответ «суду человеческому» обнаруживает его собственную двойственность («Ты знаешь, что во мне борются двое» [5, с. 658]) и его собственный «приговор»: «Дело в том, что в глубине души я считаю свою болезнь вовсе не туберкулезом, или, по меньшей мере, не в первую очередь туберкулезом, а просто

моим полным банкротством», – пишет он Фелиции на прощание [5, с. 659] и продолжает пророчествовать, не в силах остановиться: «...хочу открыть тебе маленькую тайну, в которую сейчас и сам-то не верю <...>, но которая тем не менее окажется правдой: мне уже не выздороветь» [5, с. 660]. Снова фигура речи, обращенная магией слова?

Тогда же, 28 сентября 1917 г., он записывает в дневник: «Стало быть, смерти я бы доверился. Остатки иллюзии. Возвращение к отцу. День великого примирения» [3, с. 304]. Кажется, выбор сделан, и он не в пользу жизни... А Фелиция Бауэр (1887–1960), «натура не только достаточно сильная и жизнерадостная, но и во многих отношениях незаурядная» [9, с. 14], остается по другую сторону занавеса – в соответствии со своим счастливым именем.

Список литературы

1. Бланио М. От Кафки к Кафке / пер. с фр. Д. Кротовой. М.: Изд-во «Логос», 1998.
2. Жеребин А.И. Место встречи – утопия: из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с.
3. Кафка Ф. Дневники / пер. с нем. Е. Кацевой. М.: Аграф, 1998. 448 с.
4. Кафка Ф. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене / пер. с нем.; авт. предисл. Д. Затонский. М.: Политиздат, 1991. 576 с.
5. Кафка Ф. Письма к Фелиции и другая корреспонденция, 1912–1917 / сост., вступ. ст., пер. с нем. и примеч. М.Л. Рудницкого. М.: Ad Marginem, 2004. 670 с.
6. Кацева Е. «У тебя тоже есть оружие» // Кафка Ф. Дневники / пер. с нем. Е. Кацевой. М.: Аграф, 1998. С. 5–8.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
8. Павлова Н.С. Форма речи как форма смысла: «Процесс» Фр. Кафки // Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 148–168.
9. Рудницкий М. «Приворожить словом...» // Кафка Ф. Письма к Фелиции и другая корреспонденция, 1912–1917 / сост., вступ. ст., пер. с нем. и примеч. М.Л. Рудницкого. Москва: Ad Marginem, 2004. С. 7–13.

10. *Kafka F.* Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit. Frankfurt a. M.: Fischer taschenbuch Verlag, 2015. 1264 S.
11. *Kafka F.* Das Urteil und andere Prosa. Stuttgart: Reclam, 2012. 104 S.
12. *Kafka F.* Tagebücher. 1910–1923. Frankfurt a. M.: Fischer Verlag, 1954. 738 S.
13. *Sebald W.G.* Zur Motivstruktur in Kafkas *Schloss* // *Sebald W.G.* Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke. Frankfurt a. M.: Fischer taschenbuch Verlag, 2012. S. 78–92.
14. *Wexler J.* Violence without God. The Rhetorical Despair of Twentieth-Century Writers. New-York: Bloomsbury, 2017. 204 p.

References

1. Blansho, M. [Blanchot, M.] *Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka]. Moscow, Logos Publ., 1998, 240 p. (In Russ.)
2. Zharebin, A.I. *Mesto vstrechi – utopiya: iz istorii literaturnykh otnoshenii Rossii, Germanii, Avstrii* [Meeting Place – Utopia: From the History of Literary Relations between Russia, Germany, Austria]. St Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2023, 421 p. (In Russ.)
3. Kafka, F. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, Agraf Publ., 1998, 448 p. (In Russ.)
4. Kafka, F. *Zamok: Roman; Novelly i pritchi; Pis'mo ottsu; Pis'ma Milene* [Castle: Roman; Novels and Parables; Letter to Father; Letters to Milene]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 576 p. (In Russ.)
5. Kafka, F. *Pis'ma k Felitsii i drugaya korrespondentsiya, 1912–1917* [Letters to Felice and Other Correspondence, 1912–1917]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2004, 670 p. (In Russ.)
6. Katseva, E. “U tebya tozhe est' oruzhie” [“You Have a Weapon Too”]. Kafka, F. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 5–8. (In Russ.)
7. Meletinskii, E.M. *Poehtika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, 407 p. (In Russ.)
8. Pavlova, N.S. “Forma rechi kak forma smysla: *Process* Fr. Kafki” [“The Form of Speech as a Form of Meaning: *Process* by Franz Kafka”]. Pavlova, N.S. *Priroda real'nosti v avstriiskoi literature* [The Nature of Reality in Austrian Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005, pp. 148–168. (In Russ.)
9. Rudnitskii, M. “Privorozhit' slovom...” [“To Bewitch with Words”]. Kafka, F. *Pis'ma k Felitsii i drugaya korrespondentsiya, 1912–1917*. [Letters to Felice and Other Correspondence, 1912–1917]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2004, pp. 7–13. (In Russ.)

10. Kafka, F. *Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit*. Frankfurt a. M., Fischer taschenbuch Verlag, 2015, 1264 S. (In German)
11. Kafka, F. *Das Urteil und andere Prosa*. Stuttgart, Reclam, 2012, 104 S. (In German)
12. Kafka, F. *Tagebücher. 1910–1923*. Frankfurt a. M., Fischer Verlag, 1954, 738 S. (In German)
13. Sebald, W.G. “Zur Motivstruktur in Kafkas *Schloss*”. Sebald, W.G. *Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke*. Frankfurt a. M., Fischer taschenbuch Verlag, 2012, S. 78–92. (In German)
14. Wexler, J. *Violence without God. The Rhetorical Despair of Twentieth-Century Writers*. New-York, Bloomsbury, 2017, 204 p. (In English)